

Ефросинья на время скандала Зинаиды с мужем превратилась в глухонемую мышь, сидела в углу и перебирала крупу для каши внучке. Но только за зятем захлопнулась дверь — взялась воспитывать дочь:

— Точно, дура! Промолчать не можешь. С пьяным бы не связывалась, с трезвым на рожон не лезла, и у него бы не было причин скандалить. А про развод чтобы я больше не слышала. Вышла замуж, дитя родила — живи!

— Не могу больше, от него от трезвого ласкового слова не услышишь, а пьяный вообще невыносимый.

— Сама выбирала. Никто насильно не выдавал. Да и где они, путные? Возьми хотя бы соседей. Федька раз в месяц, но нажрётся до одури, обязательно Ирину поколотит. А Шурик, тот каждую божью пятницу приползает в стельку, всю субботу не просыхает и всё воскресенье похмеляется. Мать его, ты сама слышала, не раз рассказывала: клоун клоуном, два дня цирка каждый раз.

— Он, может, над тётей Ньюрой и куражится, а Райку свою боится.

— Тебе зачем, чтобы боялся? Твой не дерётся, выпивает нечасто. Хозяйственный, работающий, деньги ему сами к рукам липнут.

— Ни одной юбки не пропустит!

— Ой, не мыло, не измылится! У него их тридцать семь, а ты хозяйка всем. Смотри, как останешься одна — сама на женатиков заглядывать станешь.

— Что я, ненормальная?!

— Нормальная-то нормальная, да свободных мужиков твоего возраста уже не осталось. А разведённые мало что не сахар, потому что за путных держатся, так ещё и алиментщики.

Как ни отговаривала, как ни убеждала мать, Зинаида развелась. Сосед Федька тут же познакомил Ивана со своей родственницей из деревни, и он уехал. Ефросинья иногда приносила новости от соседей, раздражая и так грустную дочь. Радоваться было нечему: на работе за спиной шушукались, дома попрекали, соседи замучили сочувствиями. Как-то остановила тётя Нюра, в одиночестве сидевшая на лавочке возле дома.

— Подойди, присядь, что расскажу тебе. Мои тоже ведь чуть было не разбежались. Второй пацан у них ещё не родился, и я у себя в деревне жила. Раиса с сынишкой собралась на выходные к матери съездить. Шурке всё наказала, с обеда в пятницу на работе отпросилась и укатила. Приезжает в воскресенье — в доме бардак: пепельница с окурками на пол опрокинута, на столе на грязной посуде мухи кучей сидят, а в хлеву, что резанные, некормленные поросята орут. Она раскудахталась: мол, как можно двое суток животину голодной держать?! А наш клоун так спокойно отвечает: «Раечка, это чтоб сало с прослойками было». Она его по башке хрясть, кричит: «Смотри, ты у меня с прослойками будешь!» — и в огород побежала проверять, что там. А что там может быть? Шурик туда и не заглядывал. В пятницу было пасмурно, плёнку с парника не снимали, а в субботу разъяснило, до вечера солнце палило, огурцы все погорели. Она совсем расстроилась: месяц туда-сюда плёнку таскали, огурчики уже плети стали пускать, а он всё загубил. Рая и говорит: «Безответственный ты, на тебя дом страшно оставить. Что же мне, на привязи возле тебя, алкаша, всю жизнь сидеть? Ни в отпуск не съездить, ни на курорт, даже маму не провести! Разведусь с тобой». Шурик бегом меня вызвал. Я невестке свои сбережения привезла: поезжай, говорю, отдохни, я и за домом, и за внуком присмотрю. Не бросай Шурика, какой-никакой отец ребёнку. Мальчишке

с мужиком нужно расти, а то из дома побежит. Моего-то всё к железкам тянуло, он в гаражах колхозных постоянно пропадал. А там не смотрели, что сопляк ещё, — раз пригубить дали да другой плеснули. Это в деревне, а в городе и с хулиганами связаться может. Не дай Бог, в тюрьму попадёт. В общем, помирила их, уехали они с Шуркой вместе на море. А потом второй сын у них родился. И тебе, может, просто отдохнуть надо было. Зря ты рубанула сплеча. Может, позовёшь обратно Ивана своего? Дочка всё-таки у вас.

— Он же женился! Да и не нужен он мне, тётя Нюра, — ответила Зина, поднимаясь со скамейки.

«Вот если бы правда рвануть на море!» — мечтательно думала она, направляясь домой. Дома её снова с головой накрыла волна неприятных разговоров.

— Соседка сегодня поделилась секретом: Иван-то со своей корову купили, — сообщила, не скрывая зависти, мать.

— Да пусть он хоть стадо купит! Мне-то что?

— Тебе-то ничто, а вот Дашеньке парное молочко бы не помешало.

— Пусть его Дунька коровам хвосты крутит! Мы и так Даше молока купим.

— Купит она! Всего не купишь, девчонке с каждым годом всё больше и больше надо будет.

— Мама, я на Север поеду. Только дочка пусть с тобой побудет, пока я устроюсь.

— Пусть побудет. Поезжай. Может, мужа там себе найдёшь.

Зинаида устроилась в клуб при комбинате, ей дали комнату в общежитии. Стало немного легче морально, но материально ничего не изменилось, цены на всё из-за расходов на доставку были заоблачными. Мать жаловалась, что на Дашу приходят очень маленькие алименты.

— И ты, доченька, полгода уж как уехала — ещё ни копейки не выслала.

— Мама, тут длинные рубли получают не все. У меня в комнате до сих пор казённая мебель стоит. Потерпи, раньше отпуска я за Дашей не приеду.

— Говорила я тебе, не разводишься. Иван-то с Евдокией машину взяли.

— На что же он машину взял, если дочери копеечные алименты высылают? Не зря его Дунька в бухгалтерии работает, знает, что и как оформить.

— А ты там никого себе не присмотрела?

— Присмотрела. Женат не был. Человек хороший.

— Ты ему сразу скажи про Дашу.

— Чтобы отпугнуть?! Он до меня с нашей хударучкой встречался, не женился только из-за того, что у неё ребёнок.

— Какой же он хороший, если ему ребёнок помешал?!

— У мужчин отцовское чувство, пока своих детей нет, не развито. Вот рожу ему, потом он сможет понять меня.

— Ты сначала замуж выйди.

— А мы уже заявление в загс подали.

На сердце у Ефросиньи немного повеселело. Пришедшая к ней Нюра сразу это заметила.

— Какие новости от Зины? Как она там, замуж не вышла?

— Познакомилась с каким-то. Говорит, заявление подали.

— Может, и хорошо, что развелась с Иваном. У нас-то снова пятинка! Я ушла, ну его. Райка у себя в комнате с ребятishками закроется, а он тогда возле меня, как папуас, скачет. А на прошлой неделе что учудил: в субботу в баню пошёл, нет и нет его. Жене-то на него плевать. У меня беспокойство: может, упал, может, ошпарился, может, вообще каюк ему там пришёл. Слушаю под дверь: хлещется веником и приговаривает: «Ох, Александр Фролович, простыл, не пробирает!» Приоткрыла я дверь: лежит он на полке, ноги задрал в тапочках и хлещет по ним: «Простыл, наверное. Не пробирает».

Рассказывает, а сама не понять, плачет или смеётся. Жалко стало Ефросинье соседку. Одна растила она своего Шурку. Мужа её на фронте убили, и больше она ни на кого не посмотрела. А сыночек вот теперь какую старость матери устроил.

— Ты, Нюра, оставайся у меня, ночуй.

С того времени, как сильно сын допечёт, уходит пожилая женщина из дома, спит в чужой постели. А ему хоть бы что, наступает следующая пятница — и снова он куролесит

пьяный, не даёт никому покоя. Но в каждой семье своей горе. Ефросинья не дождалась приглашения на переговоры от дочери, позвонила ей сама.

— Что потерялась? К свадьбе готовишься?

— Свадьбы не будет.

— Оно и правильно. Что деньги попусту тратить? Лучше к отпуску отложите.

— Мама, жених мой сбежал. Худручка, змея, сказала ему про Дашу, а мне клянётся, что ничего не говорила.

В телефонной трубке послышалось всхлипывание.

— Что ревёшь-то? Сбежал — может, к лучшему, другой найдётся, которому ты с дочкой нужна будешь.

— Я через месяц в декретный отпуск ухожу.

— Час от часу не легче! Ты в суд на него подай, пусть содержит ребёнка. Скажи: обещал жениться, заявление на регистрацию лежит.

— Он заявление забрал, уволился и уехал.

— Ну, знаешь, я тебе тоже не помощь! Здесь чтобы не появлялась! Я не перенесу такого позора. А мне внучку ещё надо растить.

— Мама, тут картошка дороже, чем у вас яблоки! Как мне ребёнка вынашивать, как потом одной с грудничком?

— Раньше думать надо было. Я у тебя ничего не спрашиваю, и ты у меня не спрашивай.

Вечером Нюра не успела переступить порог Ефросиньи — Даша уже бежит навстречу. Та ей гостинца да ласковое слово, а ребёнок и рад.

— Как дела, Подарёнушка бабушкина? Что мамка пишет?

— Нюра, не говори больше Даше про мать.

— Стряслось чего?

— Стряслось. У неё там своя жизнь, а у нас тут своя.

— Не ожидала я от Зины, что она ребёнка бросит. Видно, мужик её новый против.

Ефросинье легче было выставить дочь кукушкой, чем сказать правду.